

244	208-1,2	ЭДУАРД БАГРИЦКИЙ	“Отныне я другой”
-----	---------	------------------	-------------------

1. Игра в шашки	– 1.47
2. Кошки	– 1.42
3. Весна	– 3.34
4. Любитель соловьев	– 2.09
5. Вышитый петух	– 2.33
6. Нарушение гармонии	– 1.33
7. Враг	– 2.05
8. Осень	– 3.09
9. Отныне я другой	– 1.54
10. Осень морская	– 1.39
11. Рыбак	– 2.41
12. Рыбаки	– 5.05
13. В пути	– 2.55
14. Пристань	– 2.02
15. Креолка	– 3.46
16. Дионис!	– 3.20
17. Конец летучего голландца	– 2.15
18. Не видно берегов	– 2.24
19. Моряки	– 1.34
20. Трактир	– 1.06
21. Припомним же	– 1.59

Общее время звучания – 51.12

СОДЕРЖАНИЕ

1. ИГРА В ШАШКИ

О, кофе сладостный, и ты, миндаль сухой!
На белых столиках расставленные чашки...
Клетчатая доска, и круглые костяшки
Построены в ряды внимательной рукой.

Бог шашечной игры спокоен и угрюм, -
На локти опершись, за стойкой дремлет немо...
Какой возвышенной и строгой теоремой
В табачной радуге занялся вещей ум!..

Смотри внимательней, задумчивый игрок,
Куда направилась рассыпанная стая...
И вот, коричневый квадрат освобождая,
Передвигается слепительный кружок!..

2. КОШКИ

Уже на крыше, за трубой,
Под благосклонною луною
Они собираются толпой,
Подняв хвосты свои трубою.
Где сладким пахнет молоком
И нежное белеет сало,

Свернувшись бархатным клубком,
 Они в углу ворчат устало.
 И возбужденные жарой,
 Они пресыщены едою,
 Их не тревожит запах твой,
 Благословенное жаркое.
 Как сладок им весенний жар
 На кухне, где плита пылает,
 И супа благовонный пар
 Там благостно благоухает.
 О черных лестниц тишина,
 Чердак, пропахнувший мышами,
 Где из разбитого окна
 Легко следить за голубями.
 Когда ж над домом стынет тишь
 Волной вечернего угара,
 Тогда, скользя по краю крыш,
 Влюбленные проходят пары.
 Ведь ты, любовь, для всех одна,
 Ты всех страстей нежней и выше,
 И благосклонная луна
 Зовет их на ночные крыши.

3. ВЕСНА

В аллеях столбов,
 По дорогам перронов –
 Лягушечья прозелень
 Дачных вагонов;
 Уже, окунувшийся
 В масло по локоть,
 Рычаг начинает
 Акать и окать...
 И дым оседает
 На вохре откоса,
 И рельсы бросаются
 Под колеса...
 Приклеены к стеклам
 Влюбленные пары, -
 Звенит палисандр
 Дачной гитары:
 - Ах! Вам не хочется ль
 Под ручку пройти?..
 - Мой милый. Конечно.
 Хотится! Хотится!.. –
 А там, над травой,
 Над речными узлами,
 Весна развернула
 Зеленое знамя, -
 И вот из коряг,
 Из камней, из расселин
 Пошла в наступленье
 Свирепая зелень...

На голом прутье,
 Над водой невеселой,
Гортань продувают
 Ветвей новоселы...
Первым дроздом
 Закликают леса,
Первою щукой
 Стреляют плеса;
И звезды
 Над первобытною тишью
Распороты первой
 Летучей мышью...
Мне любви традиции
 Жадной игры...
Гнездовья, берлоги,
Метанье икры...
Но я – человек,
 Я – не зверь и не птица;
Мне тоже хочется
 Под ручку пройтись;
С площадки нырнуть,
 Раздирая пальто,
В набитое звездами
 Решето...
Чтоб, волком трубя
 У бараньего трупа,
Далекую течку
 Ноздрями ощупать;
Иль в черной бочаге,
 Где корни вокруг,
Обрызгать молоками
 Щучью икру;
Гоняться за рыбой,
 Кружиться над птицей,
Сигать кожаном
 И бродить за волчицей;
Нырять, подползать
 И бросаться в угон, -
Чтоб на сто процентов
 Исполнить закон;
Чтоб видеть воочью:
 Во славу природы
Раскиданы звери,
 Распахнуты воды,
И поезд, крутящийся
 В мокрой траве, -
Чудовищный выюн
 С фонарем в голове!..
И поезд от похоти
 Воет и злится:
«Хотится! Хотится!
 Хотится! Хотится!..»

4. ЛЮБИТЕЛЬ СОЛОВЬЕВ

Я в него влюблена,
 А он любит каких-то *соловьев...*
 Он не знает, что не моя вина,
 То, что я в него влюблена
Без щелканья, без свиста и даже без слов.
 Ему трудно понять,
 Как его может полюбить *человек*:
 До сих пор его любили только *соловьи*.
 Милый! Дай мне тебя обнять,
 Увидеть стрелы опущенных век,
 Рассказать о муках любви.
 Я знаю, он меня спросит: «А где твой хвост?
 Где твой клюв? Где у тебя прицеплены крылья?»
 - «Мой милый! Я не *соловей*, не *славка*, не *дрозд...*
 Полюби меня – ДЕВУШКУ, ПТИЦЕПОДОБНЫЙ
 и хилый... Мой милый!»

5. ВЫШИТЫЙ ПЕТУХ

Я сладко изнемог от тишины и снов,
 От скуки медленной и песен неумелых,
 Мне любви петухи на полотенцах белых
 И копоть древняя суровых образов.
 Под жаркий шорох мух проходит день за днем,
 Благочестивейшим исполненный смиреньем,
 Бормочет перепел под низким потолком,
 Да пахнет в праздники малиновым вареньем.
 А по ночам томит гусиный нежный пух,
 Лампада душная мучительно мигает,
 И, шею вытянув, протяжно запева
 На полотенце вышитый петух.
 Так мне, о господи, ты скромный дал приют
 Под кровом благостным, не знающим волненья,
 Где дни тяжелые, как с ложечки варенье,
 Густыми каплями текут, текут, текут.

6. НАРУШЕНИЕ ГАРМОНИИ

Ультрамариновое небо,
 От бурь вспотевшая земля,
 И развернулись желчью хлеба
 Шахматною доской поля.

Кто, вышедший из темной дали,
 Впитавший мощь подземных сил,
 В простор земли печатью стали
 Прямоугольники вонзил?

Кто, в даль впиваясь мутным взором,
 Нажатьем медленной руки
 Геодезическим прибором
 Рвет молча землю на куски?

О Землемер, во сне усталом
Ты видишь тот далекий скат,
Где треугольник острым жалом
Впился в очерченный квадрат.

И циркуль круг чертит размерно,
И линия проведена,
Но всё ж поет, клонясь неверно,
Отвеса медного струна:

О том, что площади покаты
Под землемерною трубой,
Что изумрудные квадраты
Кривой рассечены межой;

Что, пыльной мглою опьяненный,
Заняв квадратом ближний скат,
Углом в окружность заключенный,
Шуршит ветвями старый сад;

Что только памятник, бессилён,
Застыл над кровью поздних роз,
Что в медь надтреснутых извилин
Впился зелёный купорос.

7. ВРАГ

Сжимает разбитую ногу
Гвоздями подбитый сапог,
Он молится грустному Богу:
Молитвы услышит ли Бог?

Промечут холодные зори
В поля золотые огни...
Шумят на багряном просторе
Зелёные вяза́ны одни.

Лишь ветер, сорвавшийся с кручи,
Взвихрит серебристую пыль,
Да пляшет татарник колючий,
Да никнет безмолвно ковыль.

А ночью покроет дороги
Пропитанный слизью туман,
Протопчут усталые ноги,
Тревогу пробьёт барабан.

Идет, под котомкой сгибаясь,
В дымы погибающих сел,
Беззвучно кричит, задыхаясь,
На знамени чёрный орел.

Протопчет, как дикая пляска,
 Коней ошалелый галоп...
 Опускается медная каска
 На влажный запыленный лоб.

Поблекли засохшие губы,
 Ружье задрожало в руке:
 Запели дозорные трубы
 В деревне на ближней реке...

Сейчас над сырыми полями
 Свой веер раскроет восток...
 Стучит тяжело сапогами
 И взводит упругий курок...

8. ОСЕНЬ

Литавры лебедей замолкли вдалеке,
 Затихли журавли за топкими лугами,
 Лишь ястреба кружат над рыжими стогами,
 Да осень шелестит в прибрежном тростнике.

На сломанных плетнях завился гибкий хмель,
 И никнет яблоня, и утром пахнет слива,
 В веселых кабачках разлито в бочки пиво,
 И в тихой мгле полей, дрожа, звучит свирель.

Над прудом облака жемчужны и легки,
 На западе огни прозрачны и лиловы.
 Запрятавшись в кусты, мальчишки-птицеловы
 В тени зеленых хвой расставили силки.

Из золотых полей, где синий дым встает,
 Проходят девушки за грузными возами,
 Их бедра зыблются под тонкими холстами,
 На их щеках загар, как золотистый мед.

В осенние луга, в безудержный простор
 Спешат охотники под кружевом тумана.
 И в зыбкой сырости пронзительно и странно
 Звучит дрожащий лай нашедших зверя свор.

И Осень пьяная бредет из темных чащ,
 Натянут темный лук холодными руками,
 И в Лето целится и пляшет над лугами,
 На смуглое плечо накинув желтый плащ.

И поздняя заря на алтарях лесов
 Сжигает темный нард и брызжет алой кровью,
 И к дерну летнему, к сырому изголовью
 Летит холодный шум спадающих плодов.

9. ОТНЫНЕ Я ДРУГОЙ

Кто услышал раковины пенье,
Бросит берег – и уйдет в туман;
Даст ему покой и вдохновенье
Окруженный ветром океан...

Кто увидел дым голубоватый,
Подымающийся над водой,
Тот пойдет дорогою проклятой,
Звонкою дорогою морской...

Так и я... Мое перо писало,
Ум выдумывал, а голос пел;
Но осенняя пора настала,
И в деревьях ветер прошумел...

И вдали, на берегу широком
О песок ударилась волна,
Ветер соль развеял ненароком,
Чайки раскричались дотемна...

Буду скучным я или не буду –
Всё равно! Отныне я другой...
Мне матросская запела удаль,
Мне трещал костер береговой...

10. ОСЕНЬ МОРСКАЯ

Осень морская приносит нам
Гулко клокочущее раздолье.
Ворот рубахи открыт ветрам,
Ветер лицо обдувает солью.
Я в это утро открыл глаза,
Полные тьмы и смолистой дрёмы, -
Вижу: прозрачное, как слеза,
Море стоит полосой знакомой.
Хворост по дачам приятель мой
С ночи собрал – и теперь протяжно
Чайник звенит... А над головой
Небо обмазано синькой влажной.

11. РЫБАК

Этой зимой в заливе
Море окоченело.
Этой зимой не виден
Парус в студеной дали.

Встанет апрельское солнце,
Двинется лед заповедный,
В море, открытое море
Вылетит шлюпка моя.

И за кормою высокой

Сети по волнам польются,
И под свинцовым грузилом
Станут на зыбкое дно.

Сельди, макрели, мерланы,
Путь загорожен подводный,
Жабры сожмите – и мимо,
Мимо плывите сетей!

Знает рыбацкая удасть
Рыбьи становища. Полон
Легкий баркас золотистой
И голубой чешуей.

Руль поверни, и на берег
Вылетит лодка. И руки,
Жадные и сухие,
Рыбу мою разберут.

Выйди, апрельское солнце,
Солнце труда и веселья,
Встань над соленой водою
В пламени жарких лучей!

Но за окном разгулялась
Злая февральская вьюга,
Снег пролетает, и ветер
Пальцем в окошко стучит.

В комнате жарко и тихо,
В миске картофель дымится,
Маятник ходит, и мерно
Песню бормочет сверчок.

Выйди, апрельское солнце,
Солнце труда и простора!
Лодка просмолена. Парус
Крепкой заштопан иглой.

12. РЫБАКИ

Восточные ветры, дожди и шквал
И громкий поход валов
Несутся на звонкое стадо скал,
На желтый простор песков...
По гладкому камню с размаху влезть
Спешит водяной занос, -
Вытягивай лодки, в ком сила есть,
Повыше на откос!..
И ветер с востока, сырой и злой,
Начальником волн идет,
Он выпрямит крылья, -
Летит прибой, -

И пена стеной встает...
 И чайкам не надо махать крылом:
 Их ветер возьмет с собой, –
 Туда, где прибой летит напролом
 И плещет наперебой,
 Но нам, рыбакам, не глядеть туда,
 Где пена встает, как щит...
 Над нами туман, под нами вода,
 И парус трещит, трещит...
 Ведь мы родились на сыром песке,
 И ветер баюкал нас,
 Недаром напряжен канат в руке,
 И в звезды летит баркас...
 Я сам не припомню, какие дни
 Нас нежили тишиной...
 Туман по утрам, по ночам – огни
 Да ветер береговой.
 Рыбак, ты не должен смотреть назад!
 Смотри на восток – вперед!
 Там вежи над самой водой стоят
 И колокол поет.
 Там ходит белуга над зыбким дном,
 Осетра не слышен ход,
 Туда осторожно крючок за крючком
 Забрасывай перемет...
 Свечою на камне стоит маяк,
 Волна о подножье бьет...
 Дожди умывают тебя, рыбак,
 И досуха ветер трет.
 Так целую жизнь – и в дождь, и в шквал –
 Гляди на разбег валов,
 На чаек, на звонкое стадо скал,
 На желтый простор песков.

13. В ПУТИ

Мало мы песен узнали,
 Мало увидели стран,
 Судно в безвестные дали
 Гнал по волнам океан.

Голову вскинешь – огромен
 Туго надвинутый свод,
 Снизу – неистов и темен
 Воет водоворот.

Гулкие стонут канаты,
 Рвет паруса ураган.
 Сразу, с размаху, с раската
 Судно ныряет в туман.

Кто же несется из тучи,
 Выплывшей на небеса:

Ты ли, Голландец Летучий,
В ночь развернул паруса?

Ты ль в этот сумрак жестокий.
В пену, в тревогу и в дым,
Выйдя на мостик высокий,
Рупором воешь своим?

Нет, под густыми волнами
Спит заповедный фрегат, -
Только, гудя над песками,
Легкие ветры летят.

Только над скалами снова
Скользкая всходит заря,
Только под влагой свинцовой
Вздрагивают якоря.

Что нам легенды и песни,
Если тревожен восход,
Если грозней и чудесней
Воет водоворот!

Берег за берегом в пене
В наших ныряет глазах,
Тайное скрыто движенье
В выпуклых парусах.

Ветер бормочет и злится,
Тает вдали за кормой:
Англия – легкою птицей,
Франция – синей каймой...

Мало мы песен узнали,
Мало увидели стран,
Судно в безвестные дали
Мчал по волнам океан.

14. ПРИСТАНЬ

Встает зеленый пар над синевой зыбей,
И небо вдалеке прозрачно-голубое...
И месяц, опьянев от тишины и зноя,
Разорван на куски ударом тонких рей...

Скелеты бригаantin, как черные бойцы,
Вонзили копыя мачт в лазурную бумагу...
И пурпурный корсар безмолвно точит шпагу,
Чтоб гибель разнести в далекие концы.

В таверне «Синий Бриг» усталый шкипер Пит
Играет грустный вальс на дряхлой мандолине,
А рядом, у стола, в изломанной корзине

Огромный черный кот, оскалившись, храпит...

И юнга, в сон любви безмолвно погружен,
Вдыхает синий дым из жерла черной трубки,
И в кружеве огней мерещатся сквозь сон
Поющий звон серег и пурпурные губки.

И сабли длинные о грязный пол стучат,
И пиво едкое из бочек брызжет в кружки...
А утром медные на них направит пушки
Подплывший к пристани сторожевой фрегат...

15. КРЕОЛКА

Когда наскучат ей лукавые новеллы
И надоест лежать в плетеных гамаках,
Она приходит в порт смотреть, как каравеллы
Плывут из смутных стран на зыбких парусах.

Шуршит широкий плащ из золотистой ткани;
Едва хрустит песок под красным каблучком,
И маленький индус в лазоревом тюрбане
Несет тяжелый шлейф, расшитый серебром.

Она одна идет к заброшенному молу,
Где плещут паруса алжирских бригадин,
Когда в закатный час танцуют фарандолу,
И флейта дребезжит, и стонет тамбурин.

От палуб кораблей так смутно тянет дегтем,
Так тихо шелестят расшитые шелка.
Но ей смешней всего слегка коснуться локтем
Закинувшего сеть мулата-рыбака...

А дома ждут ее хрустальные беседки,
Амур из мрамора, глядящийся в фонтан,
И красный попугай, висящий в медной клетке,
И стая маленьких бесхвостых обезьян.

И звонко дребезжат зеленые цикады
В прозрачных венчиках фарфоровых цветов,
И никнут дальних гор жемчужные громады
В беретах голубых пушистых облаков.

Когда ж проснется ночь над мраморным балконом
И крикнет козодой, крылами трепеща,
Она одна идет к заброшенным колоннам,
Окутанным дождем зеленого плюща...

В аллее голубой, где в серебре тумана
Прозрачен чайных роз тягучий аромат,
Склонившись, ждет ее у синего фонтана
С виолой под плащом смеющийся мулат.

Он будет целовать пугливую креолку,
 Когда поют цветы и плачет тишина...
 А в облаках, скользя по голубому шелку,
 Краями острыми едва шуршит луна...

16. ДИОНИС!

Там, где выступ, холодный и серый,
 Водопадом свергается вниз,
 Я кричу у безмолвной пещеры:
 - Дионис! Дионис! Дионис!

Утомясь после долгой охоты,
 Запылив свой пурпурный наряд,
 Он ушел в бирюзовые гроты
 Выжимать золотой виноград...

Дионис! На щите золоченом –
 Блеклых змей голубая борьба,
 И рыдает разорванным стоном
 Устремленная в небо труба...

И на пепел сожженного нарда,
 Опьяненный, я падаю ниц;
 Надо мной голова леопарда,
 Золотого вождя колесниц...

О, взметните покорные руки
 В расцвеченный Дианой карниз!..
 Натяните упорные луки, -
 Дионис к нам идет, Дионис!

В облаках золотисто-пурпурный
 Вечер плакал в туманной дали...
 В моем сердце, узорчатой урне,
 Светлой грусти дрожат хрустали.

17. КОНЕЦ ЛЕТУЧЕГО ГОЛЛАНДЦА

Надтреснутых гитар так дребезжащи звуки,
 Охрипшая труба закашляла в туман,
 И бьют костлявые безжалостные руки
 В большой, с узорами, турецкий барабан...

У красной вывески заброшенной таверны,
 Где по сырой стене ползет зеленый хмель,
 Напившийся матрос горланит ритурнель,
 И стих сменяет стих, певучий и неверный...

Струится липкий чад над красным фонарем,
 Весь в пятнах от вина передник толстой Марты,
 Два пьяных боцмана, бранясь, играют в карты;
 На влажной скатерти дрожит в стаканах ром...

Береты моряков обшиты галунами,
 На пурпурных плащах в застежке – бирюза,
 У бледных девушек зеленые глаза
 И белый ряд зубов за красными губами...

Фарфоровый фонарь – прозрачная луна,
 В розетке синих туч мерцает утомленно,
 Узорчат лунный блеск на синеве затона,
 О полусгнивший мол бесшумно бьет волна...

У старой пристани, где глуше пьяниц крик,
 Где реже синий дым табачного угара,
 Безумный старый бриг Летучего Корсара
 Раскрашенными флагами поник.

18. НЕ ВИДНО БЕРЕГОВ

Уже двенадцать дней не видно берегов,
 И ночь идет за днем, как волк за тихой серной,
 И небо кажется бездонною цистерной,
 Где башни рушатся туманных городов...

Уже двенадцать дней, как брошен Карфаген,
 Уже двенадцать дней несут нас вдаль муссоны!..
 Не звякнет тяжкий меч, не дрогнет щит червлёный,
 Не брызнет белизной узор сидонских стен...

Напрасно третий день жгут синие куренья,
 Напрасно молится у черной мачты жрец,
 Напрасно льют на нард шипящий жир овец:
 Свирепый Посейдон не знает сожаленья...

На грязной палубе, от солнца порыжелой,
 Меж брошенных снастей и рваных парусов,
 Матросы тихо спят; и горечь летних снов
 Телами смуглыми безмолвно овладела...

И ночь идет за днем... Пурпуровую нить
 Прядет больной закат за далью умиранья...
 Но нам страшней громов, и бури, и рыданья –
 В горящей тишине дрожащий возглас: «Пить!»

И ночь холодная идет стопой неверной,
 Рассыпав за собой цветы поблекших снов...
 Уже двенадцать дней не видно берегов,
 И ночь идет за днем, как волк за тихой серной...

19. МОРЯКИ

Только ветер да звонкая пена,
 Только чаек тревожный полет,
 Только кровь, что наполнила вены,
 Закипающим гулом поет.

На галерах огромных и смрадных,
 В потном зное и мраке сыром,
 Под шипенье бичей беспощадных
 Мы склонялись над грузным веслом.
 Мы трудились, рыдая и воя,
 Умирая в соленой пыли,
 И не мы ли к божественной Трое
 Расписные триремы веди?
 Соль нам ела глаза неизменно,
 В круглом парусе ветер гудел,
 Мы у гаваней Карфагена
 Погибали от вражеских стрел.
 И с Колумбом в просторы чужие
 Уходили мы, силой полны,
 Чтобы с мачты увидеть впервые
 Берега неизвестной страны.
 Мы трудились средь сажи и дыма
 В черных топках, с лопатой в руках,
 Наши трупы лежат под Цусимой
 И в прохладных балтийских волнах.

20. ТРАКТИР

Всем неудачникам хвала и слава!
 Хвала тому, кто, в жажде быть свободным,
 Как дар, хранит свое дневное право –
 Три раза есть и трижды быть голодным.
 Он слеп, он натывается на стены.
 Он одинок. Он ковыляет робко.
 Зато ему пребудут драгоценны
 Пшеничный хлеб и жирная похлебка.
 Когда ж, овеяно предсмертной ленью,
 Его дыханье вылетит из мира,
 Он сытое найдет успокоенье
 В тени обетованного трактира.

21. ПРИПОМНИМ ЖЕ

Увы, мой друг, мы рано постарели
 И счастьем не насытились вполне,
 Припомним же попойки и дуэли,
 Любовные прогулки при луне.
 Сырая ночь окутана туманом...
 Что из того? Наш голос не умолк
 В тех погребах, где юношам и пьяным
 Не отпускают вдохновенья в долг.
 Женаты мы. Любовь нас не волнует.
 Домашней лирики приходит срок.
 Пора! Пора! Уже нам в лица дует
 Воспоминаний слабый ветерок.
 И у сосновой струганой постели
 Мы вспомним вновь в предсмертной тишине
 Веселые попойки и дуэли,
 Любовные прогулки при луне.